

Роман Светлов, Вячеслав Минак

А.Н. Егунов как переводчик Платона*

ROMAN SVETLOV, VYACHESLAV MINAK
A.N. EGUNOV AS PLATO'S TRANSLATOR

ABSTRACT. A.N. Egunov, an outstanding Russian scholar and translator, left behind an archive containing unpublished materials, letters and notes. Some of them concern his work as a translator and editor of the translations of Plato's dialogues in the book *Selected Dialogues of Plato* (1965). With the kind permission of V.V. Somsikov and I.V. Somsikova, owners of the archive, we publish a fragment from these notes. This fragment is dedicated to the work of A.N. Egunov as an editor of V.I. Solovyov's translation of the dialogue *Protagoras*. A.N. Egunov's reasoning about his approach to editing V.I. Solovyov's translation allows us to understand the principles implicit in his own translation projects. A.N. Egunov was a talented writer and poet. The concepts that he implemented in his own literary work turned out to be connected with his approaches to the translations of Plato's works. A.N. Egunov has chosen a completely logical way, given the state of academic Plato scholarship in the 20-century Russia. He introduced Plato to a wide circle of Russian readers as a writer who was most famous even in antiquity for his literary style.

KEYWORDS: A.N. Egunov, Plato's dialogues, translations from classic languages.

Прежде всего мы хотим выразить благодарность Вадиму Валерьевичу и Ирине Валентиновне Сомсиковым, которые позволили нам работать с архивом выдающегося отечественного филолога, антиковеда, переводчика, писателя и поэта Андрея Николаевича Егунова.

© Р.В. Светлов (Калининград). rsvetlov@kantiana.ru. Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта.

© В.С. Минак (Санкт-Петербург). ordogeometricus@mail.ru. Русская христианская гуманитарная академия.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 17.2 (2022)

DOI: 10.25985/PI.17.2.11

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>, Балтийский федеральный университет имени И. Канта.

В описи этого архива под номером 10 значатся «Заметки по поводу переводов Платона (в книге Платон «Избранные диалоги», М., изд. «Худ. Литература», 1965 г., ред. С.А. Ошеров, С. Маркиш)». Большая часть заметок представляет собой машинопись с правкой, которая вносилась туда от руки. Греческие термины также вписаны от руки. Рукопись начинается с «Заметок по поводу „Протагора“ в переводе Вл. Соловьева», которые имеют общий объем в 15 страниц. Ниже мы публикуем эти заметки, предваряя их некоторыми мыслями о стратегиях А.Н. Егунова как переводчика и редактора переводов Платона.

В 1965 г. в издательстве «Художественная литература» в рамках «Библиотеки античной литературы» вышли в свет «Избранные диалоги Платона». Во многом эта книга стала предшественницей и предпосылкой будущего трехтомного издания диалогов Платона уже в серии «Философское наследие» (1969–1972; 3-й том вышел в 2-х книгах). В сборнике 1965 г. А.Н. Егунову принадлежит перевод диалога «Федр». Судьба этого перевода, в том числе той версии, которая появилась в издании 1965 г., любопытна, и она, мы надеемся, будет предметом отдельного исследования. Вместе с тем А.Н. Егунов выступил редактором остальных текстов, помещенных в книгу. Поскольку в основу издания легли в том числе переводы, осуществившиеся в XIX столетии, над ними была совершена редакторская работа, детали которой мы узнаем из записок А.Н. Егунова. Записки адресованы редакции книжного проекта и поясняют подход их автора к редакционной работе.

В частности, А.Н. Егунов формулирует в них принципы, на основании которых он достаточно серьезно переработал перевод Вл. Соловьева, безусловного классика отечественной мысли, прекрасно владевшего словом и поэтическим, и философским. Можно утверждать, что эти принципы были свойственны и А.Н. Егунову как переводчику, именно поэтому публикация его заметок столь важна. Мы специально выбрали рефлексию А.Н. Егунова над текстом Вл. Соловьева: решительность, с которой проводились изменения в случае работы с «классиком», должна быть серьезно обоснована.

Чтобы характер различий был понятен, приведем пример переводов фрагмента *Prt.* 311bc из публикаций 1903 и 1965 гг.

Первоначальный вариант:

— Скажи мне, Иппократ, — вот ты теперь собираешься идти к Протагору, внести ему денег в уплату за себя; так собственно в каком качестве он тебе тут нужен и кем собственно ты хочешь через него сделаться? Как если бы ты, например, надумал идти к своему тезке Иппократу Косскому, из Асклепиева рода — ему внести денег в уплату за себя, и кто-нибудь спросил бы тебя: скажи мне Иппократ, вот ты хочешь заплатить тому Иппократу, ради какого его качества? — что бы ты отвечал?

Текст после правки А.Н. Егунова:

— Скажи мне, Гиппократ, вот ты теперь собираешься идти к Протагору, внести ему деньги в уплату за себя; а собственно говоря, для чего он тебе нужен, кем ты хочешь стать? Скажем, надумал бы ты идти к своему тезке, Гиппократу Косскому, одному из Асклепиадов, чтобы внести ему деньги в уплату за себя, и кто-нибудь тебя спросил бы: скажи мне, Гиппократ, ты вот хочешь заплатить тому Гиппократу, но кто он, по-твоему, такой? Что бы ты отвечал?

Правка не имеет содержательного характера, и в каких-то местах она касается лишь перестановки слов («вот ты хочешь...», «ты вот хочешь...»). Однако сама манера передачи греческого оригинала существенно поменялась. В тексте «Записок» А.Н. Егунов достаточно критически оценивает попытку Вл. Соловьева передать литературный стиль Платона. С его точки зрения попытка переводить максимально близко к древнегреческому тексту приводит к неожиданному социальному эффекту: разговор образованных людей превращается в беседу лиц невысокого общественного статуса и образованности. Литературную речь нужно переводить литературной же речью — вот основная стратегия А.Н. Егунова. Даже если характер литературного языка поменялся: то, что было естественным во времена Платона, в XX в. может вызвать недоумение или непонимание. Тем паче, что «Протагор» является сочинением, передающим философскую тематику, — здесь

стилизация текста под бытовой разговорный жанр представляется неуместной.

С одной стороны, нам бы хотелось защитить перевод Вл. Соловьева — не столько по причине пиетета перед великим отечественным мыслителем, сколько потому, что, на наш взгляд, при чтении его перевод не оставляет ощущения надуманности, искусственности. Вл. Соловьев действительно как будто бы выводит нас на афинскую улицу и пытается показать, как же философская речь звучала «тогда». Это получается довольно живо, а некоторая естественная архаичность языка, вызванная столетней разницей между эпохой Вл. Соловьева и нашим временем, придает дополнительные оттенки впечатлению от чтения. К тому же следует помнить, что Платон писал в то время, когда сам жанр и стиль философского текста еще только складывался.

С другой стороны, претензии А.Н. Егунова вполне можно объяснить его стремлением сделать перевод таким, чтобы он соответствовал нормам современного литературного языка, не отпугнул читателя, который не станет разбираться в специфике замысла Вл. Соловьева. Дополнительным аргументом была необходимость соблюдения единой стилистики сборника платоновских диалогов. У неподготовленного читателя разностилье переводов могло вызвать недоумение.

Нельзя забывать о том, что А.Н. Егунов сам был даровитым писателем и поэтом. Принципы, которые он реализовывал в собственном творчестве, должны были иметь связь с его подходами к переводам Платона. Вл. Соловьев, с его точки зрения, изменил себе в работе над «Протагором» (см. фразу в публикуемом ниже тексте: «Очень удивительно, что здесь он совершенно отказался от языка своих философских сочинений и своих стихов»). Если обратиться к литературному стилю А.Н. Егунова, то можно согласиться с С. Завьяловым, охарактеризовавшим «литературную страту», к которой тот принадлежал, как «носительницу жесткого и ироничного, принципиально антиромантического и сниженного языка»¹. Но такой язык вполне мог помочь при перево-

¹ Завьялов 2003: 197.

дах Гелиодора и Ахилла Татия. Платон писал по-другому и, казалось бы, здесь возникает почти неразрешимая трудность. Однако «жесткий и ироничный», «антиромантический и сниженный» язык был результатом не отказа от классического языка прошлого, но формой освоения новых литературных пространств. Условно говоря, от языка обэриутов (к которым было в чем-то близко творчество «раннего» А.Н. Егунова) легче вернуться к языку Платона, чем от языка напыщенного романтизма. Что в свое время А.Н. Егунов и продемонстрировал, переведя в возрасте 27 лет огромные платоновские «Законы». Как пишет С.В. Полякова:

В «Законах» А.Н. Егунов сумел реабилитировать Платона как художника и показать, что известный по старым дословным переводам косноязычный и неловкий автор не имеет — при точном сохранении смысла каждой фразы — ничего общего с подлинным Платоном, славившимся в древности изящным стилем не менее, чем философскими построениями.

В «Законах» А.Н. Егунов искусно передал дифирамбическую интонацию позднего Платона, воспроизвел его, по определению греческого теоретика стиля Лонгина, «словесный восторг», то есть необузданность метафор, аллегорическую выпренность и своеобразный ритм речи, создававшийся необычным порядком слов².

А.Н. Егунов стремился к максимально ясной и доступной передаче авторского замысла переводимого текста на современном русском языке. Герменевтическое продвижение в замысел писателя, создавшего исходный материал, в связи с этим являлось для него важнейшей задачей — что видно, в частности, из его оценки переводов Гомера русскими поэтами, см. его монографию «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков»³. Сочетание понимания замысла с внутренним отчетом о тех литературных средствах, которые позволят этот замысел донести до читателя, не исказив его и не сделав неясным и смутным, помноженные на литературный дар Егунова, сделали его переводы диалогов Платона дей-

² Полякова 1993: 352.

³ Егунов 1964.

ствительно классическими. Эта переводческая стратегия, как мы видим из «Записок», диктовала и его работу в качестве редактора.

Нам представляется, что данная стратегия позволяет прояснить и ряд проблем, которые были не так давно сформулированы А.А. Россиусом в статье «Русский текст Платона: современное состояние», ставшей развернутой версией доклада на Московской Платоновской конференции (РГГУ, сентябрь 2012 г.)⁴. Чтобы продемонстрировать необходимость продолжения переводческой активности в отношении текстов Платона, несмотря на наличие «классического» четырехтомного издания диалогов, А.А. Россиус проанализировал перевод А.Н. Егуновым «Государства», а конкретно — мифа о пещере из VII книги. Признавая, что «речь идет о безусловно одном из лучших русских переводов Платона, о результате работы человека, относительно которого не может быть никаких сомнений ни в мере осознанности его подхода к переводческому предпрятию, ни во владении всеми тонкостями как русского, так и греческого языка»⁵, автор статьи тем не менее приводит целый ряд примеров неточностей, которые, с его точки зрения, мешают нашему пониманию платоновской мысли. Полностью солидаризируясь с тезисом А.А. Россиуса о необходимости постоянной работы над переводами Платона и о необходимости формирования устойчивой традиции регулярного их обновления (как это происходит с классическими текстами в зарубежном антиковедении), мы, тем не менее, хотели бы предположить, что ряд указанных в статье неточностей вызван всё-таки не непониманием А.Н. Егуновым текста, а стремлением сделать русского Платона максимально прозрачным для читателя.

Приведем лишь один пример. Описание состояния узника, который наконец освобожден от оков и повернулся к свету, А.Н. Егунов передает следующим образом: «он не в силах будет смотреть при ярком сиянии на те вещи, тень от которых он видел раньше» (R. 515cd). А.А. Россиус указывает, что Платон пишет несколько о другом — о том, что в глазах такого узника начинают словно бы

⁴ Россиус 2013.

⁵ Россиус 2013: 115.

мелькать мушки (он не в силах будет смотреть из-за мушек в глазах), реальное ему кажется непонятным и болезненным. А.А. Россиус отмечает также, что такое состояние является, по «Гиппократову корпусу», одним из признаков лихорадки⁶. Мы добавим уже от себя, что подобное понимание этого места коррелирует со следующим ниже пророчеством Сократа о том, что вернувшийся из надпещерной реальности будет обвинен в том, что его глаза полностью разрушены (517a). Болезнь зрения позволяет увидеть смысловую переключку этих фрагментов.

Однако давайте представим читателя, который впервые берет в руки текст Платона и читает его на русском как литературное произведение. Для такого читателя «мушки в глазах» требуют пояснения и снижают смысловой пафос момента: узник совершает разворот от теней к отбрасывающим их вещам, от следствия к причине. Думаем, А.Н. Егунов ушел от буквальности именно ради усиления смысла происходящих с узником перемен.

Размышления над переводом А.Н. Егуновым отдельных терминов в тексте Платона можно продолжить и на другом примере (уже не из статьи А.А. Россиуса). Посмотрим на самое начало VII книги «Государства». Там Сократ уподобляет человеческую природу в отношении ее пайдевичности и апайдевичности (παιδείας τε λέρι καὶ ἀπαιδευσίας) узникам пещеры. Мы специально оставили эти греческие слова без перевода — в связи с их сложной семантикой, не сводимой ни к одному русскому термину. Для их передачи А.Н. Егунов прибегает к слову, пришедшему в наш язык в связи с эпохой модерна. Он говорит о «просвещенности» и «непросвещенности». В известном смысле это очевидный анахронизм. Но давайте вернемся к греческому оригиналу, который невозможно однозначно передать ни как «воспитанность», ни как «образованность», ни как «обученность», ни как «культурность». Все эти слова в современном русском имеют более узкие и специфические коннотации, чем παιδεία. Да и сам образ пещеры — это не только философская притча, но и ответ на известное место из речи Перикла в «Истории» Фукидида, где афинский по-

⁶ Россиус 2013: 112.

литик представляет Афины в качестве «воспитателя» всей Эллады (Тусс. 2.41.1). Рассказ Сократа имеет откровенный и конкретный политический смысл⁷.

Возвращаясь к переводу А.Н. Егунова, прежде всего определим, что ведущим смыслом просвещения является мужество использовать собственный разум: по крайней мере, именно так понимал его И. Кант. Если мы при этом оставим в стороне массу дополнительных смыслов, связанных с темой картезианского субъекта и его суверенности, то увидим основание, по которому А.Н. Егунов выбрал именно это понятие для перевода. Путь, совершаемый узником пещеры, — это поворот к умозрению, к интеллектуальной деятельности. В некотором смысле это действительно выработка навыка к самостоятельному акту мышления. И это дает определенные основания к принятию перевода термина *λαϊδεία* в данном месте и в данном контексте как «просвещение». При всей, повторимся, анахроничности его.

В завершение отметим еще одну важную вещь. Переводы Платона в России (и здесь, повторимся, мы полностью согласны с А.А. Россиусом) еще не стали академической традицией; тексты Платона на русском не имеют той комментаторской базы, которая позволяла бы уточнять смысл отдельных их блоков, фрагментов и терминов, не превращая перевод в какой-то вариант более или менее «олитературенного» подстрочника. Это верно и для времени, когда А.Н. Егунов работал над своими переводами и редактировал тексты, вошедшие в собрание диалогов Платона 1965 г. В данной ситуации им был выбран вполне логичный путь: представить Платона как писателя, славившегося еще в античности своим литературным стилем. Позволить ему говорить на языке нашего времени, без обильных вставных пояснений и непонятных для современного человека метафор. И А.Н. Егунов был вполне последователен в этой стратегии, придерживаясь ее в качестве переводчика Платона, а также как редактор переводов других авторов.

⁷ См. Мага 2008: 150; Светлов 2016: 36–37.

А.Н. Егунов.

Заметки по поводу «Протагора» в переводе Вл. Соловьева*

Тон перевода не соответствует подлиннику — это основной недостаток.

Начинается это буквально с первых же слов: «Откуда, Сократ, являешься?» Спору нет, что φαίνῃ означает «ты являешься», и, стало быть, перевод «верен». Спрашивается, однако, в современном нам быту образованного общества, кто кому может задать вопрос в такой форме? Это возможно только при равенстве возраста, общественного положения и при некоторой короткости отношений, например, между студентами, потому-то такая форма вопроса звучит по-русски шутливо. Студент не может так спросить профессора (не касаясь обращения на «ты»). В присутственных местах, при официальных отношениях такой вопрос был бы неуместной дерзостью. Понятно, почему так получилось по-русски: «являться», «явление» были терминами, связанными с религиозными представлениями. Как и некоторые другие термины, того же происхождения, они «снизились» в бурсацко-семинарском обиходе, отсюда их грубоватая шутливость. Уместен ли такой оттенок в обращении собеседника к Сократу? Об этом собеседнике мы ничего не знаем. Платон обозначил его ἑταῖρος — что может означать «товарищ», «спутник», «последователь», «ученик», «приверженец», «сторонник».

У нас нет оснований думать, что он так «запанибрата» обращается с Сократом («являешься» без местоимения «ты» звучит еще грубее, чем «ты являешься»). Напротив, вежливые формулы (310а) это исключают. Поэтому неверно переводить здесь ἑταῖρος как «приятель», осторожнее будет взять слово «друг». Так как этот ἑταῖρος говорит «мы», «нам», а Сократ говорит «слушайте», и так как весь диалог носит назидательный характер, под ἑταῖρος здесь очевидно разумеется последователь Сократа. Но перевести

* Сохранены авторские орфография и пунктуация; подчеркивания машинописного текста выделены курсивом. — Прим. ред.

ἑταῖρος как «ученик» я все же не решался, хотя, пожалуй, и следовало бы. В последнюю минуту я склоняюсь именно к этому — впрочем, труда не составит зачеркнуть мой перевод «друг» и вместо этого поставить «ученик».

Еще одно замечание по поводу глагола «являться», касающееся уже не перевода Вл. Соловьева, а моей правки. В нашем современном языке «является» и «являются» (3-е лицо, настоящего времени) служит заменой форм настоящего времени от глагола «быть», мало употребительных или вовсе неупотребительных: «является» равно «есть», а «являются» равно «суть», например: «это является нашим величайшим достижением»; «они являются пионерами этого дела» и т.п. Разумеется, такие выражения не способствуют красоте или просто чистоте и строгости слога, их надо всячески избегать при переводе древних авторов. У Вл. Соловьева в его переводе они не встречаются. Я до крайности не люблю слово «является» в смысле «есть», но бывают такие случаи, когда, скрепя сердце, приходится в виде исключения сказать «является», так как «есть» было бы совсем архаично. Например: «...приятное является благом» (у Вл. Соловьева было «приятное — добро»), или «осуществление прекрасного не является ли благом?» (у Вл. Соловьева «прекрасное-то дело не есть ли оно доброе?») Оба примера — 358b. Если бы я мог, я бы не употребил здесь глагола «является». В первом примере, если подставить «есть» вышла бы синтаксическая двусмысленность: «приятное есть благо» можно понять и как «существует приятное благо», что искажает смысл.

Но вернемся к переводу Вл. Соловьева. Очень удивительно, что *здесь он совершенно отказался от языка своих философских сочинений и своих стихов*. Взяв с первой же строки перевода тон типа «приятель — являешься», он выдержал так и весь диалог. Вот примеры:

- «ну» (бесконечное число раз),
- «ну-ка», даже «ну-тка» (352b),
- «на подмогу мне»,
- «а малому этому скажи, чтоб встал» (310a),

- (словно дело происходит в трактире), «добряк», «почтеннейший», «любезный» и «мой чудесный» (309с); из всей этой коллекции оставлено при правке только ироническое «человече» (33од).
- «коли»,
- «ей Богу»,
- «ежели» (архаично на рубеже XX века).

Иной раз грубость тона получается в переводе Вл. Соловьева из-за невнимательности к расстановке слов. Известно, что русский язык прихотлив, и поэтому «ради чего» не равно «чего ради» («Ради чего ты пришел» — вопрос; спрашивается о причине прихода: «Чего ради ты пришел» — не вопрос, а восклицание, означающее «незачем было приходиться»). Так у Соловьева «Но чего ради я это говорю?», а надо бы «Но ради чего я это говорю?» (343b).

Настоящее время глаголов, введенное переводчиком, видимо для «живости» речи мало принято по-русски в повествовательных предложениях и также придает оттенок вульгарности (Ср. по-русски. «Он приезжает, я ему и говорю...» и «он приехал, и я ему сказал» — второе выше по тону). Правка выразилась в том, что *время глаголов, соответственно подлиннику, взято прошедшее*. Особенно нестерпимо звучит по-русски бесконечное повторение «говорит», «говоря», так переводчик считает долгом передавать «ἔφη, ἦν δ' ἐύώ». Все это при правке опущено по той причине, что по-гречески это, конечно, нормально, но по-русски свойственно только языку людей необразованных («я говорит...», «вы, говоря...»).

По этой же причине *опущено греческое многосоюзие, как чуждое русскому литературному языку*.

Если у нас нет в литературном языке эквивалентов для разных греческих частиц, или для всяких φέρε, ἴθι и т.п., то лучше и их опустить, чем вульгаризировать текст.

Поясню это на примере: представим себе, что у нас имеется одна и та же фраза в двух следующих вариантах:

I «Потому как вчера, ну и хороша же была погода, вот и решили мы, значит, за город-то поехать, а он, „Нет, не поеду“, говорит...»

II «Вчера была хорошая погода, и мы решили поехать за город. „Нет, не поеду“ — сказал он...»

Вл. Соловьев, по непостижимой причине, берет для своего перевода слог первого варианта. Моя правка клонится ко второму варианту. Обоснованием служит то, что *язык Платона — это язык образованного афинского общества, тем более в таком диалоге, как «Протагор», где выведен «цвет интеллигенции» — сам Протагор, Гиппий, Продик и др.* Нет никаких причин передавать Платона языком необразованных кругов русского населения и тем самым внушать читателю ложное представление о греках. В Афинах, правда, не было такого разрыва между речью простолюдинов и речью образованных людей, как это исторически случилось на Руси. Разные греческие *ἴθι, φέρε, ἔφη, οὖν* и т.п. свойственны вообще греческому языку и не являются средствами социальной характеристики. При «верной» (по словарю) их передаче, по-русски получается, как это наблюдается в переводе Вл. Соловьева, сильнейший социальный оттенок: афиняне разговаривают между собой очень уж «по-русски», как на базаре или как школьники, или купцы. Следовательно, *все, что при буквальном переводе с греческого на русский дает ложные социальные эффекты, подлежит вычеркиванию хотя бы и без замены, так как заменить их ничем.* Правда, при этом теряется живость слога, получается несколько «оголенный» язык, но из двух зол это меньшее: уж лучше дистиллированная вода, раз нет ключевой, чем русский квас.

Кроме того, этот тон и сам по себе фальшив, потому что не подтверждается русским культурно-историческим прошлым: если на Руси встречались философствующие простолюдины, то они, когда «мудрствовали», прибегали по мере сил к церковнославянским выражениям (ср. Григорий Сковорода). Так что *Вл. Соловьев переводит Платона на небывалый на Руси язык, которого в таком виде не могло быть и во времена Вл. Соловьева и которого*

нет и сейчас вследствие распространения образованности. В школах в наше время борются с разными засоряющими «значит», «ведь», «говорит» и т.п., и будь перевод Соловьева напечатан сейчас без изменения, какой-нибудь школьник мог бы с торжеством сослаться на «литературный» язык этой книги для оправдания своей косноязычности.

В неверном по тону переводе Соловьева *получается комический контраст философского содержания и его стилистического воплощения*, например, такой образчик: «оба эти утверждения дают не слишком хорошую музыку» (333а). Греческий язык способен к большей абстрактности, чем русский, который до сих пор очень конкретен. Сколько затруднений для переводчика при передаче всяких τί, τίνά, τοιοῦτον, ταῦτα в среднем роде, без существительного; как тяжеляют русский слог разные «в отношении», «это», «то», «тому подобное», между тем как в подлиннике все легко и разговорно. Ко всему этому слог Соловьева не подходит. Нам в пору справиться хоть с тем, чтобы русский читатель не рассмеялся над грецизмами типа перевода Карпова, вроде:

«Но мужественный мужествен ли мужеством или чем иным?»

Или:

«Есть ли он знаток чего-нибудь или он знаток ничего?»

Я несколько, конечно, утрирую, но, право же, в этом роде выглядит «художник слова» Платон в прежних русских переводах. Если же к приведенным фразам прибавить еще «ну-ка, скажи мне, почтеннейший», то получается я уж не знаю что.

Итак, *мы переводим Платона на обычный нам, средний, нейтральный, современный язык образованного общества, отказываясь от вульгаризмов и архаизмов* (ср. далее замечание по поводу слова «добродетель»). Большую трудность при этом представляет недопустимость иностранных слов (принцип, факт, матерьял, сюжет; даже тема и т.д.). *Такова программа-минимум. А максимум был бы — но что говорить о максимуме...*

К недочетам обычного порядка в переводе Вл. Соловьева относится то, что *некоторые места его перевода непонятны, если не заглядывать в подлинник*. Например, следующее место, правда, крайне трудное для перевода:

- 1) «Ну, а если бы наше благосостояние заключалось в том, чтобы большие черты (?) и принимать и самим производить, а малых избегать и не проводить, то что оказалось бы тогда для нас спасением жизни: измерительное ли искусство или свойства видимости?» (356) Что здесь может понять читатель? И контекст не помогает.
- 2) Иные места его перевода крайне неуклюжи: «...в качестве кого намечен вами Протагор, чтобы платить ему деньги... Какое другое имя слышим мы относительно Протагора, как вот относительно Фидия имя ваятеля, а относительно Гомера — поэта. Что в этом роде слышим мы касательно Протагора? — Да называют-то человека этого так, говорит, что софист он» (311с).
- 3) Встречается у Соловьева уклон в сторону христианизации текста: «...если же рассердятся... то смиряются, приневоливая себя любить... своих» (346b). Правда, текст Платона близок здесь к христианским понятиям, но близость не означает тождества. Именно при близости важно передать различие оттенка: Платон не говорит о смирении («смиряются»), у него διαλλάττεσθαι т.е. «прекращать вражду».

У Карпова: «примириться». Тут есть небольшая разница: люди мирятся с тем, что, например, в коммунальной квартире есть свои неудобства; мирятся, это значит: что же делать! приходится терпеть. Но это не христианское смирение, то есть сознание своего ничтожества, своей греховности. Соловьев переводит «любить». В подлиннике φλεῖν — одно из нескольких слов, имеющих в греческом языке для обозначения понятия любви. Φιλεῖν имеет оттенок «относиться дружелюбно», не враждовать. Своим переводом «любить» Соловьев невольно заставляет читате-

ля думать, что речь идет о христианском понятии (Ἀγαπᾶτε τοὺς ἐχθροὺς ὑμῶν...^{*}).

Чрезвычайные трудности представляют те места диалога, где речь идет о добродетели или добродетелях. Прежде всего о самом слове «добродетель». Можно было бы навести справки в словарном отделе Института языкознания и в словарях русского языка, чтобы установить, когда это слово стало употребительно и т.д. Для нашей сейчас цели достаточно констатировать, что слово «добродетель» в нашем современном русском языке не употребляется¹, между тем, мы переводим Платона именно на современный нам язык. Более того, и русскими писателями второй половины прошлого века это слово не употреблялось всерьез, а только иронически:

Украшают тебя добродетели,
до которых другим далеко,
и беру небеса во свидетели,
уважаю тебя глубоко... (Некрасов)

В начале XIX века слово «добродетель» еще влачило существование в высокой поэзии:

Небесного земной свидетель...
Я пел на троне добродетель... (Жуковский)

В прозе оно имело переводной оттенок: «Гостеприимство — священная добродетель» (Карамзин) или:

Была бы верная супруга
И добродетельная мать... (Пушкин)

^{*} «Любите врагов ваших» (Мф. 5.44). — Прим. ред.

¹ В одной современной книге я встретил слово «добродетельность»: возможно, неологизм. См. М.В. Урнов «Шекспир, его герои, его время», М., 1964, стр. 16. [Авторами этой книги являются шекспироведы Михаил Васильевич и Дмитрий Михайлович Урновы — Прим. ред.]

Но попробуйте в наше время сказать о ком-нибудь, что она «добродетельна» — всякий поймет, что это в лучшем случае добродушная шутка, а в худшем — злая ирония.

В XVIII веке, в эпоху Просвещения, добродетель — понятие холодное, характеризующееся отрицанием, это — воздержание от пороков:

...где роза без шипов растет,
где добродетель обитает...
путь добродетели прямой... (Державин)

Петрополь буди мне свидетель
бессмертну в смертном добродетель
я ныне свету возвещу... (Сумароков)

У того же Сумарокова одно стихотворение 1768 года озаглавлено «О люблении добродетели».

Давно было замечено, что русский язык, при всем его богатстве, не имеет слова адекватного французскому *vertu*, латинскому *virtus*. В полной мере это относится и к греческой *ἀρετή*.

В самом деле, русское слово «добродетель» соответствует своему этимологическому составу: делать — добро. Ср. слово «благодетель» того же состава. Суффикс «тель» вообще означает действующее лицо: «учитель», «деятель», «мечтатель» и т.п. Поэтому последовательно, что «благодетель» — слово мужского рода, непоследовательно, что «добродетель» — женского рода и означает отвлеченное понятие. Все же и *при слове «добродетель» по большей части мыслится объект действия. В греческой же ἀρετή внимание сосредоточено на субъекте действия или состояния: иметь быстрые, крепкие ноги — это ἀρετή бегуна.*

Но попробуйте сказать по-русски, что крепкие ноги — добродетель футболиста. Меткое метание копья — *ἀρετή* воина, но меткая стрельба — добродетель снайпера. Между тем, при переводах Платона поступают именно так: прекрасная наружность — добродетель этого юноши; знатное происхождение — добродетель того мужа и т.д.

Русский читатель таких переводов справедливо недоумевает или улыбается².

При эротематическом (вопросно-ответном) методе Сократа, при его дихотомии (нередко с логическими ошибками) и без того затрудняющими или удивляющими непривычного русского читателя, лексическое заполнение текста разного рода «добродетелями» делает перевод Платона совершенной нелепостью в глазах читателя.

Итак, от «добродетели» при переводе Платона (за редкими исключениями) надо отказаться, потому что слова ἀρετή и «добродетель» не равны друг другу и для слова ἀρετή по-русски нет эквивалента, а придумать (изобрести) его мы не в состоянии.

Как же быть? Положение, действительно, крайне трудное.

Вместо несуществующего в нашем современном языке слова «добродетель», надо сосредоточить свое внимание на слове «доблесть». Хотя оно вообще уже понятия ἀρετή, но в области военной эти слова совпадают и, главное, слово «доблесть» — *подлинно существующее слово*: «наша доблестная армия», «доблестное поведение наших войск», «он проявил доблесть» и т.п. Можно «воспитывать доблесть в наших воинах» (это уже близко к тому, о чем речь в «Протагоре»). Доблесть в гражданской сфере — здесь это словоупотребление не так привычно, но все же, с некоторой осторожностью, возможно; доблесть в смысле подвига:

О подвигах, о доблестях, о славе... (Блок)^{*}

Я не говорю, что «доблесть» вполне соответствует ἀρετή. Конечно, неловко сказать, что крепость ног — доблесть бегуна. В кри-

² У Михаила Соловьева в его переводе «Апологии» мы читаем: «если бы твои сыновья были жеребята или бычки, то нам следовало бы нанять для них воспитателя, который бы сделал их совершенными в добродетели, свойственной каждому из них» (20b); здесь в подлиннике даже нет ἀρετή, а καλῶ τε καὶ αὐθῶ опять-таки крайне трудный для передачи термин, но привычка русских переводчиков к «добродетели» так велика, что «добродетель» появилась и здесь, в подлиннике это место не имеет ничего общего с юмористикой.

^{*} В оригинале у А. Блока: «О доблестях, о подвигах, о славе». — *Прим. ред.*

тических случаях приходится передавать ἀρετή как «высокое свойство», «отличное качество», даже «достоинство» (при правке перевода «Протагора» к этому мне все же не пришлось прибегать). Но слово «добродетель» я удалил везде из текста, кроме цитаты из Гесиода в переводе Вересаева (340). Мне кажется, что из двух зол — «добродетель» и «доблесть» — надо взять меньшее, т.е. «доблесть».

Σωφροσύνη передано двумя словами: «здравый смысл» вместо устарелого и не употребительного теперь «здравомыслия».

Много затруднений при передаче тех греческих слов, которые дают в русском переводе «хороший», «добрый», «дурной», «плохой». При выборе того или иного из этих синонимов я прислушивался к фразе в целом.

Точно также* фразеологически, следовательно, по-разному, переданы затруднительные термины σοφία, τέχνη. Сохранение перевода σοφία сплошь как «мудрость» дает по-русски эффекты не менее дикие, чем в случае с «добродетелью». Вероятно, если бы был возможен машинный, кибернетический перевод, то σοφία всегда была бы «мудростью», а τέχνη «искусством», несмотря ни на какой контекст.

По характеру издательства («Художественная литература») и из подбора диалогов видно, что Платон включается в нашу серию, как поэт, писатель, «беллетрист» (если отважиться применить это опошленное слово). В «Протагоре» и «Пире» — картины афинского быта, в «Ионе» и «Федре» — вопросы поэтики, эстетики, в «Пире» — «платоническая любовь» (*хотелось бы видеть там и небольшой по объему диалог «Алкивиад первый»*), в «Апологии», «Критоне», «Федоне» — своего рода «роман о гибели Сократа». Чисто умозрительным диалогам, как, например, «Филеб», «Теэтет» и другим не место в этом однотомнике, тем более, что идеологически Платон, как известно, «наш враг, идеалист», хотя и тут не все так просто — Чернышевский в своей известной рецензии на перевод (Ордынского) «Поэтики» Аристотеля пытал-

* Так в рукописи. — Прим. ред.

ся сделать Платона своим союзником в эстетических воззрениях. Но раз у нас Платон «художник слова», и о чем читатель может знать из книг и статей, то тем больше было бы удивление читателя, если бы мы преподнесли ему переводы Соловьева (или Городецкого) в их неизменном виде. Пусть и после проделанной нами работы переводы далеки от художественности (обольщаться нам невозможно), но надо достигнуть того, чтобы от наших переводов читатель не шарахался в недоумении или не улыбался бы в неподходящих местах (а это иногда возможно и тематически, но тут мы уже не причем — виною несовместимости понятий разных культурно-исторических формаций). Текст не должен отпугивать своей шероховатостью, стилистическими ухабами (работая, я то и дело проверял свою правку чтением вслух во избежание ритмических срывов).

Сейчас проделана только черная работа, собственно говоря, переработка («выкорчевывание», расчистка), кое-чего еще не видно из-за «мазни». После того, как перевод будет вновь переписан машинисткой (я ей не завидую; в помощь ей я всюду обозначил абзацы), причем неизбежны описки, мелкие пропуски и т.п., мне требуется обязательство еще раз прочесть все — возможно, остались недосмотры, неудачные решения и т.д.; быть может, придет в голову кое-где что-нибудь более подходящее, то есть можно будет приступить к «шлифовке», к редакторской работе.

В область примечаний я не вторгаюсь — это дело комментатора. Но некоторые примечания касаются выбора разночтений, конъектур, т.е. объясняют, почему переведено так, а не иначе. В таких случаях я позволил себе наметить (карандашом) необходимые примечания. В других (немногочисленных) случаях такие карандашные пометки служат как бы напоминанием комментатору, что данное место перевода нуждается в объяснении.

Литература

- Егунов, А.Н. (1964), *Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков*. Л.: Наука.
- Завьялов, С. (2003), “Гомер в качестве государственного обвинителя на процессе по делу русской поэзии (О книге А.Н.Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков»)", *Новое литературное обозрение* 2.60: 194–199.
- Полякова, С.В. (1993), “А.Н.Егунов как переводчик древних авторов”, in Г. Морев и В. Сомсиков (ред.), *А. Николев (А.Н.Егунов). Собрание произведений*, 352–354. Wien: Gesellschaft zur Förderung Slawistischer Studien.
- Россиус, А.А. (2013), “Русский текст Платона: современное состояние”, in И.А. Протопопова, О.В. Алиева, А.В. Гараджа, А.А. Глухов, А.В. Михайловский, Р.В. Светлов (ред.), *Платоновский сборник*, 1.104–116. М.; СПб.: РГГУ; РХГА.
- Светлов, Р.В. (2016), “Платон и Фукидид”, *Вестник СПбУ. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение* 2: 34–41.
- Mara, G. (2008), *The Civic Conversations of Thucydides and Plato*. State University of New York Press.